

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Рассказы о божьей правде

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Рассказы о божьей правде / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 189 с.

ISBN 978-5-519-99053-0

ISBN 978-5-519-99053-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

этой теплой ласки, какъ будто долетавшей сюда изъ его жаркой пустыни...

Какъ онъ очутился здѣсь? Давно ли онъ носился по песчанымъ пескамъ Сахары, высматривая, не обрисуется ли въ ея огнистой дали тонкая и длинная шея жираффа, этой пальмы между животными. Боязливыхъ и быстрыхъ антилопъ онъ нагонялъ, какъ буря, и ударомъ лапы, точно молніей, валилъ ихъ на земь. Песчаный и горячій вихрь самума оставался позади, когда левъ уносился въ извѣстныя ему одному пещеры. Онъ пилъ чистыя воды въ оазисахъ подъ нѣжно колыхавшимися вѣтвями вѣровидныхъ пальмъ, дышалъ ароматомъ пышныхъ и яркихъ цвѣтовъ солнечнаго края. Отъ пирамидъ, синѣвшихъ надъ медлительнымъ Ниломъ, до синихъ волнъ Атлантики, вся пустыня принадлежала ему, и только на этомъ просторѣ ему не было тѣсно. И вдругъ какая-то яма, толстая сѣть, накрывшая его, въ которой, бѣснуясь, онъ путался все больше и больше, гвалтъ ликующей толпы закутанныхъ въ бѣлое арабовъ, тѣхъ самыхъ, что еще вчера, мысленно обращаясь къ нему, называли его «господиномъ», и тьма! Тьма въ какомъ-то тѣсномъ ящикѣ, гдѣ онъ долженъ лежать свернувшись, въ которомъ только однимъ негодующимъ ревомъ онъ показываетъ, что онъ еще живъ, не задохнулся. Его везутъ куда-то. Онъ слышитъ скрипѣніе глубоко врѣзывающихся въ песокъ колесъ, мычанія быковъ, громкія понуканія погонщиковъ. Разъ, когда открыли дверцу, чтобы сунуть ему мясо, онъ разсмотрѣлъ вдали что-то бѣлое; если бы онъ видѣлъ прежде, онъ понялъ бы, что передъ нимъ подъ стройными и меланхолическими пальмами Блидаха—будто сахарные,

слѣпившіеся дома, гдѣ живутъ всѣ эти его враги и побѣдители. Потомъ, въ слѣдующій разъ онъ различилъ въ дали такую же пустыню, въ какой онъ жилъ. Она была такъ же непредѣльна, но вмѣсто недвижныхъ песчаныхъ холмовъ, только подъ вѣтромъ курившихся золотою пылью, по ней катились голубыя въ бѣлыхъ гривахъ волны, да вѣяло такою освѣжающею прохладою, что подъ нею самая мучительная смерть была отраднѣе рабства. Затѣмъ опять наступила тьма. Онъ былъ запертъ въ трюмъ большого корабля, онъ слышалъ свистъ бури, визгъ цѣпей, топотъ ногъ на палубѣ надъ собою—и впервые увидѣлъ свѣтъ только на блѣдномъ и чахломъ сѣверѣ—его вѣчнымъ плѣнникомъ. Нѣмецъ-хозяинъ гордился имъ. Онъ заплатилъ за него въ Гамбургѣ 10.000 рублей и, налившись пивомъ, являлся къ клѣткѣ, подбоченивался и кричалъ.

— Ты, говорятъ, силенъ, а я тебя купилъ и держу въ клѣткѣ,—значить, я сильнѣе тебя...

И въ доказательство этого желѣзнымъ нако-
нечникомъ палки тыкалъ его въ морду...

Пріѣзжали какіе-то сухіе, вышвѣтшіе люди; попадись ему они въ пустынѣ, онъ бы, пожалуй, не тронулъ ихъ,—не охотникъ былъ до костей. Они, глядя на него, записывали что-то, и хозяинъ опять, чтобы показать имъ грозу пустыни во всей красѣ, совалъ палку въ его жадно раскрытую и горячо дышавшую пасть. Левъ вскакивалъ, бѣсился, а нѣмецъ добродушно хохоталъ и говорилъ:—«О, я нитшево не жалѣй для мой публикумъ. Я давалъ за этотъ великолѣпный скатинъ 10.000 рубель...» И ученые и хозяинъ были довольны, только само дорого оплаченное животное, растревоженное ими, долго

послѣ того бѣгало по клѣткѣ, рычало и не могло успокоиться... Съ каждымъ годомъ оно становилось медленнѣе въ движеніяхъ. Шерсть его лѣзла клочьями и блекла, утрачивая свой золотистый цвѣтъ, она уже не лежала волнисто и красиво, повинуюсь каждому нервному трепету чуткой кожи. Онъ уже не рычалъ такъ громко, чаще хрипѣлъ... Желѣзные прутья рѣшетки не дрожали подъ его лапами. Онъ, то и дѣло, приваливался къ ней. Точно левъ понималъ, что тамъ, за нею—свобода, и лишенный ея старался какъ можно больше забрать вольнаго воздуха въ свои легкія. Промозглый запахъ его клѣтки душилъ звѣря! Онъ уже не слушалъ насмѣшливыхъ криковъ, не шевелился, когда его трогали. Въ немъ все болѣло. Онъ только лизалъ мясо, нюхалъ его и рѣдко могъ проглотить нѣсколько кусковъ. Вставая, онъ едва держался, прислонясь къ рѣшеткѣ. Изъ его измученной груди дыханіе вылетало со свистомъ. Одно солнце выводило его изъ неподвижности. Только что оно поднималось за деревьями, онъ уже не отрывалъ отъ него своихъ тускнувшихъ глазъ. Казалось, въ немъ, въ его пламенномъ дискѣ онъ видѣлъ отраженіе своей родины, чувствовалъ подъ своими лапами горячіе пески пустыни, съ ея священной тишиной и прозрачною далью...

Скоро левъ, какъ человѣкъ, сталъ кашлять. «Публикумъ» уже выражала недовольство нѣмцемъ-хозяиномъ.

— Что онъ намъ все разныхъ калѣкъ показываетъ! Развѣ это левъ? — дворняга-дворнягой!..

И хозяинъ всполошился. Позвали ветеринара.

— Плакали ваши денежки! — обратился онъ къ нѣмцу.

— Однако, я за него платилъ 10.000 рубель!

— Видите сами, чахотка въ послѣднемъ градусѣ!

И, пощекотавъ больного льва тросточкой, пошелъ себѣ дальше...

Нѣмецъ всмотрѣлся: облысѣлъ левъ. Грива наполовину вылѣзла, — весь полъ былъ покрытъ ея клочьями. Куски мяса не тронуты, на одинъ изъ нихъ левъ положилъ лапу и нервно то вонзить въ него когти, то расправить ихъ, но не ѣстъ... Хрипитъ. Косой лучъ солнца позолотилъ ржавую рѣшетку въ другомъ концѣ клѣтки, левъ поднялся, шатаясь, какъ пьяный, подобрался туда и рухнулъ къ ней всѣмъ своимъ ослабѣвшимъ тѣломъ, такъ что подъ прощальнымъ свѣтомъ отгоравшаго дня, казалось, затлѣла и вспыхнула его золотистая шерсть.

Ударило холодами. Теперь ужъ и солнце его не грѣло; онъ, дрожа, только смотрѣлъ на него... Могъ ли онъ думать? Если — да, то въ эти мгновенья ему, вѣроятно, приходило въ голову, что оно такъ же освѣщаетъ его далекую пустыню...

— Однако, я платилъ за этотъ старый осель 10.000! — восклицалъ хозяинъ и, убѣдясь, что левъ для него окончательно потерянъ, хотѣлъ, какъ всякій разсудительный нѣмецъ, спасти хоть его шкуру, пока она окончательно не вылѣзла. Отравить льва нельзя было, — ничего не ѣлъ.

— Тогда надо его рѣзайтъ... У меня есть для этого шельвѣкъ, и Карлъ Адамычъ сдѣлайтъ великолѣпный чучелъ на мой кабинетъ!..

Но бѣдному, старому, умирающему льву не пришлось дожидаться татарина съ ножомъ...

На другой день, когда отворили дверцу изъ темнаго отдѣленія клѣтки, въ которомъ онъ спалъ, въ свѣтлое, онъ могъ только доползти до порога. Отсюда ужъ онъ не видѣлъ солнца, но оно бросало свой огнистый свѣтъ на рѣшетку, ложилось зыбкою, золотистою волною на полъ. Левъ почти уже не отрывалъ своего гаснущаго взгляда ни отъ этой рѣшетки, ни отъ этихъ желтыхъ бликовъ на полу. Ему вдругъ хорошо и тепло стало. Онъ не понималъ, что съ нимъ. Куда дѣлись эти ржавые прутья, эти стѣны, эта чахлая зелень за ними? Даль раздвинулась. Безконечная, полная зноя и священной тишины засіяла кругомъ пустыня. Гдѣ-то на краю ея мерещатся недвижныя, тонкія пальмы. Красиво клонятся ихъ вѣтви... Горячій песокъ, не простывшій за ночь, подъ нимъ, и такъ льву удобно на немъ лежать... Чу!.. Это издали рычитъ его львица... зоветъ его. Онъ видитъ ее... Едва отдѣляется ея тѣло, гибкое и волнистое, отъ золотистаго холма... Опять зоветъ... И вдругъ левъ, откуда вспыхнула сила, — поднялся, могуче заревѣлъ попрежнему, какъ камень изъ пращи, бросился ей навстрѣчу и, ударясь о рѣшетку, палецъ у ея перилъ, вытянувъ лапы и безсильно свернувъ голову... Подбѣжалъ надсмотрщикъ-татаринъ, — левъ уже не дышитъ. Схватилъ его за остатки гривы, поднялъ и уронилъ. Голова когда-то мощнаго звѣря съ глухимъ шумомъ ударилась о полъ.

Старый левъ умеръ!.. Съ него сняли шкуру. Карлъ Адамовичъ не уронилъ своей репутаціи — приготовилъ изъ нея великолѣпное чучело, и теперь хозяинъ гордится имъ.

Соловьиная ночь.

мирала зима окаянная. Въ лѣсахъ—по оврагамъ лежалъ еще рыхлымъ пластомъ больной, ноздреватый снѣгъ. Чуть держался надъ весенними потоками, просочившимися подъ нимъ, но и его уносили прочь дождевыя воды. На солнцепекѣ первая нѣжная зелень легкимъ налетомъ опушила уже вѣтви. Гдѣ стояла еще тѣнь—и тамъ давно покраснѣлись и вспухли почки, готовыя раскрыться. Съ юга вѣяло радостнымъ дыханіемъ пробудившихся полей, и вмѣстѣ съ нимъ неслись на сѣверъ крикливыя стаи ранней птицы. Казалось, выси небесныя сами звенятъ по утрамъ. Слушая ихъ «здравствуй», отзывались стрекотомъ и гомономъ воскресшія болота и лѣсныя поляны, и робко-робко, точно налаживаясь, сталъ было, неувѣренный и стыдливый, заводить свою пѣсню соловей. Въ полдень солнце уже и жечь начинало, и земля въ поту своей творческой работы исходила вечерними туманами. Все точно ждало послѣдняго всемогущаго слова: «да будетъ!» И оно вдругъ грянуло и прокатилось подъ разомъ нахлынувшими тучами, ска-

залось въ блескѣ молній и съ трепетомъ благоговѣнія было принято внимавшей ему природой. Земля пріобщилась небу и къ утру уже нельзя было узнать ее. Пышно развернулась остальная листва, зелеными, сквозными, нѣжными, веселыми облаками стали деревья, громко и смѣло запѣлъ свою вдохновенную пѣсню соловей, радостно вспыжились и зажурчали потоки, и, грудью надувшись по вѣтру, двинулись паруса судовъ на широкихъ полноводныхъ рѣкахъ.

Свѣтлый май щедро тратилъ свои воскрешающія ласки...

Зимы точно не бывало... Не вѣрилось, что еще недавно все кругомъ томилось подъ ея всепобѣднымъ гнетомъ. «Свобода, свобода!»—гремѣло въ тучахъ. «Свобода», — отзывались имъ волны, унося еще порою послѣднія льдины, словно ржавыя звенья разбитыхъ цѣпей. «Свобода», — всею грудью дышали поля... А птицы, — тѣ, никогда не зная рабства, — со своихъ лазурныхъ высотъ о ней же кричали солнцемъ облитой понижи... Попробовала было вернуться зима, точно опомнилась: дай-ка попытаю. Ночью съ полюса темною силой надвинулась мартъ. Свернулась листва осины, и, дрогнувъ, поникнули липы. Неугомонный сѣверный вѣтеръ, по старой привычкѣ, затянулъ свою выюжную пѣсню. Закрутились въ охолодѣвшемъ воздухѣ снѣжинки. Да не во-время—къ самому разсвѣту было; выглянуло золотымъ краешкомъ солнце—и палъ этотъ вѣтеръ о земь, чтобы ужъ и не подыматься больше.

Съ каждымъ днемъ ярче и наряднѣе май свѣтозарный. Рядить кусты въ нѣжныя краски цвѣтовъ весеннихъ, выходитъ ему навстрѣчу все живое, и самъ древній, дряхлый старецъ Анто-

нинъ сидитъ у окна своей кельи и любитъся на него... Чудится ему, что вновь осуществляется евангельское чудо: невидимо пришелъ Христосъ и воскресилъ Лазаря, семь мѣсяцевъ вкушавшаго смертный сонъ подъ гробовымъ покровомъ зимы.

— Пришелъ милостивый!—шепчутъ безкровныя губы, и радостно въ безчисленныхъ морщинахъ изъ-подъ сѣдыхъ бровей загораются старческія очи.—Пришелъ—недаромъ ждала его земля крещеная...

А небо все синѣе, поля зеленѣе, листва на деревьяхъ гуще и цвѣты ароматнѣе...

«Ишь, что кадила раскрылись и ѳиміамомъ курятся!..»—думаетъ старецъ, и мерещится ему въ благоуханіяхъ этихъ безмолвная молитва благодарной земли... Къ небесамъ возносится она, безмятежная и чистая.

А какъ заведетъ соловей свою пѣсню,—старецъ не затворяетъ окна. Слушаетъ ее и понимаетъ, и думаетъ, обо многомъ думаетъ! Луна серпомъ золотымъ прорѣжется за сквозною липою, въ обители гулко и истоиво ударить колоколъ, и торжественно въ сумракѣ и прохладѣ поплывутъ его звуки,—а соловей еще пуще разливается и сыплетъ въ тихую душу старца Антонина тысячи мыслей и чувствъ... Внимаетъ этой пѣснѣ задумчивая ночь, кутаясь въ свои непроглядныя мистическія тѣни; встаютъ изъ глубокихъ понизей бѣлые призраки и, неподвижнымъ туманомъ стоя между деревьями, заслушиваются ея тоже; и листь не шелохнется, чтобы не нарушить молитвеннаго молчанія природы... Идутъ ли запоздалые богомольцы — и точно эта пѣсня къ землѣ ' приковываетъ ихъ.

Не замѣтивъ темнаго окна Антониновой кельи, останоятся и долго стоятъ, и чувствуетъ старецъ въ эти минуты, что, на зло годамъ и обѣтамъ, одною жизнью живетъ онъ со всѣмъ, что кругомъ него бьется безчисленными пульсами... Изъ-за тысячи верстъ раскрываются безвѣстные могилы,—и дорогіе милые люди сходятся вокругъ его кельи, смотрятъ на него, улыбаются ему... Замолкнетъ соловей, и очнувшійся Антонинъ видитъ, что по его старческому, исхудалому лицу текутъ обильныя слезы!.. Живая душа трепещется подъ черною схимой, и воскресаетъ никогда неугасавшая любовь къ тѣмъ вонъ людямъ, что стоятъ и ждутъ въ ночномъ сумракѣ и туманѣ, не заведетъ ли опять одинокій пѣвецъ свою вдохновенную пѣсню..

— Хорошо поетъ!—доносится оттуда въ его келью.

— Да... сказано: всякое дыханіе да хвалить Господа...

И опять смолкаетъ толпа крестьянъ — богомольцевъ.

— Не спишь?—спрашиваетъ отецъ Антонинъ своего келейника, замѣчая его силуэтъ, прислонившійся къ темному стволу старой липы.

— Простите... Искушеніе... Соловей вотъ,—отдѣляется тотъ.

— Ну, что жъ — слушай... слушай... Божья птичка-то... Усладительная. Коли настоящее понимать—много мудрости въ ней сокрыто...

— Сказываютъ — курскій... опять слышится, какъ болтаютъ богомольцы между собою.

— У насъ такъ не могутъ... наци соловьи, то-ись...—доносится откуда-то.—Нашъ соловей

хлипкій, онъ тебѣ колѣно сдѣлаетъ и шабашъ. Въ ѣмъ силы настоящей нѣтъ... А здѣсь...

— Здѣсь!.. Здѣсь... мѣсто моленное... Онъ, братъ, тоже это понимаетъ. Столько старцевъ его слушаютъ—долженъ онъ свое усердіе показать? Ты какъ думалъ—около обители ему благодать. Первымъ дѣломъ — за гнѣздо онъ спокоенъ, потому нашихъ деревенскихъ озорныхъ мальцевъ нѣтъ. Тихо... Ну, онъ и старается. Что жъ, пойдемъ чаю попить?..

И голоса замираютъ вдали,—и чутко прислушивается къ нимъ старецъ Антонинъ. Дороги они и милы ему въ эту ночь, какъ дорогъ и милъ весь этотъ міръ.

И каждая мелочь кажется ему многозначущей и осмысленной въ уединеніи его кельи...

«Сапоги носятъ!—думаетъ онъ.—Чай пьютъ! Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!.. Въ наши-то времена сапоговъ не было, чаю и не слышали. Легче народу стало, куда легче... Ежели бы по-прежнему—ой, трудно... Съ каждымъ годомъ преизбыточественнѣе будетъ. И мятутся людѣ, и недовольны человѣки, а кабы они назадъ оглянулись! Поняли бы, сколь ихъ жребій легче... Нѣтъ, братъ,—вздохнулъ онъ, обращаясь въ сумракъ къ невѣдомому собесѣднику.—Ты это напрасно... Міръ тоже на мѣстѣ не стоитъ, шатко ли, валко ли, а все движется по путямъ, указаннымъ ему... Ты думаешь—тяжко тебѣ, и ропщешь и въ смятеніи духа укоризненно сердце свое озлобляешь, а того, дурашка, и не видишь, сколь скудно до тебя-то отцы твои жили... Отъ Бога-то сверху виднѣе. Ему все какъ на ладони. Онъ понимаетъ и не даетъ міру слишкомъ ужъ назадъ-то поворачивать... Покараетъ за грѣхи, а